

RU

С. Павлов («Акванавты (Океанавты)») vs А. Беляев:
диалог на расстоянии

Старцев Д. И.

Аннотация. Целью статьи является осмысление диалогического взаимодействия повести С. Павлова с творчеством родоначальника отечественной научной фантастики А. Беляева. Научная новизна состоит в том, что впервые предпринимается анализ влияния наследия А. Беляева на традицию научно-фантастической прозы в России, репрезентованную, в частности, прозой С. Павлова. Полученные результаты показали, что, во-первых, о поэтологической общности двух прозаиков свидетельствуют многочисленные интертекстуальные связи их творчества; во-вторых, очевидна преемственность «Акванавтов» С. Павлова беляевскому опыту на разных уровнях: в стилистическом отношении С. Павлов активно использует элементы научного стиля, в частности термины, и стремится найти рациональное объяснение даже псевдонаучным событиям; на уровне сюжета прозаик выбирает схожие локации для повествования, образы героев и их способности.

EN

“The Aquanauts” by S. Pavlov vs A. Belyaev: Creative Dialogue

Startsev D. I.

Abstract. The paper aims to reveal correlation of S. Pavlov’s novel with works of the father of the domestic science fiction A. Belyaev. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses influence of A. Belyaev’s creative work on the domestic science fiction, in particular, on S. Pavlov’s prose. The following conclusions are justified: firstly, existence of numerous intertextual links indicates similarity of A. Belyaev’s and S. Pavlov’s poetics; secondly, there is obvious continuity between S. Pavlov’s novel and Belyaev’s works: at the stylistic level, S. Pavlov eagerly uses elements of the scientific style, such as terms, and seeks to find a rational explanation even for pseudo-scientific phenomena; at the plot level, the following similarities are observed: similar background, similar characters possessing similar super-abilities.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особым местом творчества А. Беляева, одного из основоположников российской научной фантастики, в формировании научно-фантастической традиции в России. В плане преемственности художественного опыта в жанре научно-фантастического романа он не имеет равных в отечественной словесности: от работ современников писателя, например Л. Лагина, до романов XXI века. Масштаб влияния А. Р. Беляева на развитие научной фантастики не вызывает сомнений, о чем писал тот же Б. Н. Стругацкий: «Беляев был и остается писателем мирового уровня. На заре советской фантастики он разработал целую систему совершенно новых приемов, которыми наши писатели пользуются и по сей день. Сила Александра Беляева в том, что он очень тонко понял природу фантастического образа. Невозможное, но все-таки превращенное воображением в сбывшуюся реальность – вот что лежит в основе его фантастики» [14, с. 551]. Беляевские сюжетные модели, его ключевые темы и приемы оказались весьма живучи и востребованы в научно-фантастической прозе последующих десятилетий.

При этом показательно появление продолжений культового романа А. Беляева «Человек-амфибия». Во-первых, в 1993 г. выходит «Ихтиандр», а в 2008 г. – «Морской дьявол» А. Климая, где читателю предлагается в авантюрно-приключенческом ключе история дальнейших приключений главного героя, вынужденного теперь существовать исключительно в океанских глубинах. Во-вторых, в 2020 г. публикуются «Ихтиандр – властелин морей» А. Зиборова и «Возвращение морского дьявола» Евг. Константинова, также продолжающие беляевскую «сагу» о необычайных приключениях человека-амфибии. Примечателен дополнительно историко-культурный штрих: в 2018 г. вышел фильм культового мексиканского режиссера Гильермо дель Торо, получивший три приза Венецианского кинофестиваля, «Форма воды», фактически в современных реалиях

реинтерпретирующий сюжет самого популярного беляевского романа, представив историю любви человека-амфибии и немой героини. В связи с этим очевидна необходимость изучения беляевской научно-фантастической традиции, репрезентированной в литературе второй половины XX столетия.

Соответственно, задачами нашего исследования явились следующие: проанализировать научно-фантастическую традицию вплоть до А. Р. Беляева, найти интертекстуальные связи с повестью С. Павлова «Акванавты» («Океанавты»), изучить черты беляевской научно-фантастической традиции в художественном стиле С. Павлова.

Теоретической базой статьи стали исследования, посвященные творчеству А. Беляева [1; 6; 9] и развитию научно-фантастической прозы [7-8; 10; 15-17]. В работе применяются принципы следующих методов исследования: сравнительно-исторического, культурно-исторического методов, а также метода целостного анализа художественного произведения.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её результаты, материалы и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории и теории отечественной литературы, курсах по выбору и факультативных курсах, посвящённых углублённому изучению современной литературы, научно-фантастической прозы и творчества А. Беляева; при написании соответствующих глав учебников и учебных пособий, а также при комментировании текстов С. Павлова и А. Беляева.

Научно-фантастическая традиция до А. Р. Беляева

Общезвестно, что современное литературоведение не сформировало однозначного определения термина научной фантастики, однако многочисленные интерпретации сводятся к степени реалистичности фантастического допущения. Именно посредством него автор, по справедливому мнению В. Л. Гопмана [8], М. Галиной, управляет повествованием произведения, и именно оно в сюжете идентифицирует научно-фантастический жанр [7, с. 152]. Под научной фантастикой В. Л. Гопман понимает «вид фантастической литературы (или литературы о необычном), основанный на единой сюжетной посылке (допущении) рационального характера, согласно которой необычайное (небывалое, даже, казалось бы, невозможное) в произведении создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащих естественно-научным воззрениям, существующим в то время, когда создавалось научно-фантастическое произведение» [8, с. 621].

М. Галина справедливо отмечает: «...в научной (твердой) фантастике изначально заданная картина мира логична и внутренне непротиворечива. Сюжет в НФ обычно строится на одном или нескольких как бы научных допущениях (возможна машина времени, передвижение в космосе быстрее света, “надпространственные тоннели”, телепатия и прочее). Однако сегодня НФ – это лишь часть фантастического массива» [7, с. 156].

Отечественная научно-фантастическая литература начинает складываться уже в XVIII в. Е. Харитонов, исследуя этот период, отмечает, что уже тогда активно развивались жанры «фантастики – утопия и антиутопия (М. Херасков, Ф. Эмин, М. Щербатов, В. Левшин), научная фантастика (“Дворянин-философ” Ф. Дмитриева-Мамонова)» [16]. Однако, несмотря на черты «психологической фантастики» в творчестве В. Ф. Одоевского 1820-х гг., элементы научно-фантастической утопии в романе Н. Чернышевского «Что делать?» (1863) и прочие редкие попытки классиков поработать в фантастическом жанре, говорить о зарождении собственно научной фантастики в России можно с появления работ К. Э. Циолковского. Как заметил Б. Ляпунов, «Циолковского Александр Беляев назвал первым научным фантастом. И это действительно так: никто до него не смог столь впечатляюще и, главное, с предельной научной достоверностью описать и первые шаги в Космос, и самые дальние перспективы покорения человеком Вселенной» [9, с. 134]. Писатель, не имея научно-фантастической базы, с помощью догадок и малоизвестных фактов пытался максимально понятно объяснить суть сложных явлений, объединяя научные теории и художественное обрамление. Во многом благодаря именно творчеству К. Э. Циолковского А. Беляев начал разрабатывать свой уникальный научно-фантастический стиль.

И хотя научно-фантастическая традиция в рамках литературного творчества формировалась в России несколько десятилетий, однако именно А. Беляеву удалось синтезировать элементы зарубежной фантастической традиции и отечественный литературный опыт романтизма, фольклора и создать уникальную писательскую манеру, своего рода стиль научно-фантастического повествования. Практически во всех его произведениях – от рассказов 1920-х гг. до романа «Ариэль» (1941) – в отчётливо предельной форме воплощается устойчивый «набор» сугубо беляевских приемов: акцент на научности, поиск реалистического оправдания сюжетобразующих фантастических допущений, обилие научных терминов, как математических, физических, так и географических, литературных, и научных источников, интерес к биологическим экспериментам. В качестве жанрообразующего элемента в научно-фантастической прозе А. Беляева чаще всего выступают образы фанатичных учёных, персонажи с необычными способностями, психологически или биологически неполноценные герои.

Интертекстуальные связи с повестью С. Павлова «Акванавты» («Океанавты»)

Принимая во внимание отсутствие ярко выраженного научно-фантастического наследия отечественной прозы до появления в литературном процессе фигуры А. Беляева, можно с уверенностью предположить, что многие современные фантасты следовали беляевской традиции. Черты узнаваемого стиля писателя, идеи

и сюжеты присутствуют в научной фантастике начиная с 1940-х гг. («Патент АВ» Л. Лагина) и вплоть до конца XX века. Его последователями, прямо или косвенно, можно считать С. Павлова, Г. Голубева, К. Булычёва, бр. Стругацких и др. Причём это касается не только отдельных текстов, но в целом всего массивного потока отечественной научно-фантастической литературы. Как подчёркивал Б. Н. Стругацкий, «хотя Александр Романович никогда нам с братом отметок не ставил, мы считаем его своим учителем. И не только мы. Вся советская научная фантастика пошла по пути, проложенному Беляевым» [14, с. 550].

Наиболее показательным в плане преломления традиции А. Беляева, освоения и отчасти переосмысления его писательского опыта представляется, на наш взгляд, творчество классика советской фантастики С. И. Павлова, автора хорошо известного цикла «Лунная радуга» (1978-1997), многочисленных научно-фантастических рассказов и повестей, неоднократно отмеченных различными литературными премиями. В больших и малых жанровых формах, «космических» и «океанических» циклах прозаик обращается к исследованию различных миров, находящихся за пределами нашей планеты («внеземелье», по терминологии самого С. Павлова), где описывает фантастические коллизии с точностью ученого-палеолингвиста и инженера-геофизика.

Обратимся, прежде всего, к его повести «Акванавты (Океанавты)» (1968), в которой писатель аккумулировал многие сюжетные элементы романов А. Беляева, черты авторского стиля и специфику построения научно-фантастического текста. Как справедливо отмечают И. Р. Куряев и О. Ю. Осьмухина, «в современной отечественной прозе, как известно, отчетливо актуализируемая “память жанра” влечет за собой в рамках романного жанра синтез различных его разновидностей» [11, с. 236]. Однако этот тезис можно отнести и к повести с характерными романскими чертами.

При сопоставлении повести С. Павлова о «людях-рыбах» с беляевским «Человеком-амфибией» интертекстуальные связи очевидны. Главные герои, «ангелы моря», которые с помощью биологических экспериментов смогли мутировать в глубоководное существо и обратно, – это фактически вольная интерпретация образа Ихтиандра. Сравним описание героев двух разных произведений.

Так, в «Акванавтах (Океанавтах)» Павлов пишет: «Острый акулий плавник на спине, как вымпел, на локтях плавнички поменьше, пальцы рук в перепонках. Длинные ласты, выпуклые пузырьки теслитовых глаз... Кто-то из восторженных репортеров назвал первых гидрокомбистов “ангелами моря”. Название привилось. Но сами профессионалы-глубоководники величают себя по-другому: “ангелы тьмы”» [12].

Прозаик ориентируется на опыт великого предшественника, о чем свидетельствует следующий пассаж из романа А. Беляева: «На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо – “дьявол”, о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи – темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними» [5].

Отметим, во-первых, что главные герои и беляевского «Человека-амфибии», и «Акванавтов», по сути, являют возможности сверхчеловека, причем мы имеем в виду здесь отнюдь не нищеанского сверхчеловека, «избранного», освобожденного от подчинения морали, но личность, в сравнении с обычными людьми, более совершенную и в физическом, и в интеллектуальном отношении, обладающую поистине фантастическими возможностями.

Во-вторых, метаморфизм героев романов А. Беляева и С. Павлова, безусловно, имеет фольклорные корни. Ихтиандр и гидрокомбисты, равно как сказочные персонажи, по воле судьбы или по собственному желанию облекающие себя в звериные формы, пугают или восторгают обычных людей, обобщённых до некоей реальной силы, противопоставленной мистическим главным героям. Употребление прозвищ «ангелы моря» или «ангелы тьмы», «дьяволы» не несёт в себе религиозного подтекста, но в обоих случаях определяет общественное отношение и наводит читателя на интертекстуальный образ, который должен сформироваться после этих кратких описаний.

Но за первой – лежащей на поверхности – сюжетной переключкой скрывается ещё несколько точек соприкосновения творчества С. Павлова и А. Беляева, относящихся не только к культуromу роману.

К примеру, в «Акванавтах» перенос человеческого сознания в тело животного – каракатицы Лотты, которая знает азбуку Морзе и с её помощью общается с учёным, сопоставим с хирургической операцией по переносу мозга человека в тело слона в рассказе «Хойти-Тойти» А. Беляева, где профессор Вагнер разговаривал с другом после метаморфозы тем же способом.

У С. Павлова: «“Ти-ти-та... – внезапно и громко запищала морзянка. – Ти-та-та-ти-ти...”» [12].

У А. Беляева: «Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

– Ф-фф-ффф-ф-фф-ффф...

“Точно азбука Морзе”» [2, с. 187].

Возможность работать под водой у «акванавтов» С. Павлова обусловлена основным фантастическим допущением повести – существованием гидрокомбовой оболочки. Это модернизированные «жабры» рыб, изобретение инженеров-биоников, основанное на принципе действия крапивных стрекалек и появляющееся благодаря инъекциям специального гормона «инкрета Буриана»:

«Гормон в свою очередь поможет клеткам костного мозга заполнить костные пустоты лимфатической жидкостью. Наши грешные кости станут практически несжимаемыми даже при очень больших давлениях воды в океанских глубинах...» [12].

Завязка романа «Ангелы моря», который составляет с «Акванавтами» единый цикл, описывает шумиху в СМИ из-за погружения «людей-рыб» на рекордные три тысячи метров в глубину, что также является фантастическим допущением:

«Вся одежда здоровенных, мускулистых парней состояла из узеньких плавок. Их обнаженные тела, подсвеченные сиянием экранов, бесшумно корчились, опутанные великим множеством длинных и тонких змей. “Жертвы” этого странного на первый взгляд “обряда”, получившего в технике название “телефаз”, даже не взглянули на постороннего наблюдателя» [13].

В романе «Подводные земледельцы» А. Беляева существование на Дальнем Востоке ферм на большой глубине в океане обусловлено изобретением особых водолазных костюмов, в которых кислород вырабатывается путём электролиза океанской воды, что позволяет очень долго не выходить на поверхность.

Черты беляевской научно-фантастической традиции в художественном стиле С. Павлова

Условно говоря, «диалог» повести С. Павлова с творчеством А. Беляева не ограничивается набором схожих фантастических допущений.

Место действия произведения – океанические глубины – в целом характерно скорее для российской, чем западной фантастической прозы. Одним из первых использовать морской антураж в отечественной научной фантастике стал, как известно, именно А. Беляев. В то время как К. Циолковский или А. Толстой популяризировали покорение космоса, что привело к появлению знаковых произведений И. Ефремова, бр. Стругацких и ряда других российских писателей, А. Беляев предложил исследовать океан, который был столь же слабо изучен, но открывал большие возможности для создания более натуралистичных образов и правдоподобных фантастических допущений. Герои его произведений работали под водой («Подводные земледельцы»), жили и выстраивали социальные связи с морскими обитателями («Человек-амфибия»), сражались со стихией и океаническими чудовищами («Остров погибших кораблей»).

Характерный для А. Беляева упор на научность, проявляющийся в обилии, а нередко и в нагромождении научных терминов и теорий, очевиден и у С. Павлова. Однако если у А. Беляева они служат для объяснения фантастических допущений или обоснования черт характера ряда героев, то у С. Павлова они становятся инструментом своеобразной научной мистификации, маркером научно-фантастического «стиля». С той же целью С. Павлов вводит псевдонаучные термины, которые позже не раскрываются, к примеру: «Минут через пятнадцать-двадцать нам предстоит “смех Люцифера” – своеобразная реакция нервной системы на восьмую инъекцию препарата ГДФ-19» [12].

Для сравнения приведём цитату из романа А. Р. Беляева «Продавец воздуха»: «Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны начали изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус» [4, с. 263].

Из процитированных фрагментов становится очевидно, что в отличие от Павлова, фактически «играющего» с научными «понятиями» и «терминами», Беляев весьма щепетилен и точен в их использовании, более того, в каждом из своих произведений он демонстрирует детальное знание географии, физики, астрономии.

Заключение

Мы пришли к следующим выводам.

Несмотря на наличие элементов научно-фантастического наследия отечественной прозы до появления А. Беляева, именно его творчество даёт толчок к формированию ярко выраженной научно-фантастической традиции.

Безусловно, рассмотренные нами параллели «Акванавтов» С. Павлова с творчеством А. Беляева лишь частный, хотя и достаточно примечательный, случай преломления беляевской традиции в прозе второй половины XX столетия. Диалог с творчеством А. Беляева не ограничивается кругом советских писателей, интертекстуальность, пусть в меньшей степени, можно проследить вплоть до фантастических текстов, условно говоря, новейшего времени.

Черты беляевской научно-фантастической традиции со всей очевидностью обнаруживаются и в сюжете (перенос сознания человека в животное, противостояние подводного мира с надводным, метаморфозы для долгого нахождения на глубине), и в художественном стиле (упор на научность, псевдонаучные термины, тяготение к научно-популярному стилю).

Перспектива дальнейшего исследования видится не только в выявлении пересечений других произведений С. Павлова с прозой А. Беляева, но и в анализе преломления беляевской традиции в наследии других писателей-фантастов (Г. Голубев, К. Булычёв, бр. Стругацкие, Евг. Константинов, Вс. Глуховцев и др.).

Список источников

1. Балабуха А. Д., Бритиков А. Ф. Три жизни Александра Беляева: биографич. очерк // Беляев А. Р. Голова профессора Доуэля; Человек-амфибия; Остров погибших кораблей: науч.-фантаст. романы. М.: АСТ, 1999. С. 5-36.
2. Беляев А. Р. Изобретения профессора Вагнера: фантастические произведения. М.: Эксмо, 2010. 576 с.

3. Беляев А. Р. Остров погибших кораблей [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/RUFANT/BELAEW/island.txt> (дата обращения: 21.11.2020).
4. Беляев А. Р. Продавец воздуха: фантастические романы. М.: Эксмо, 2009. 608 с.
5. Беляев А. Р. Человек-амфибия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/RUFANT/BELAEW/man-amhp.txt> (дата обращения: 22.11.2020).
6. Бритиков А. Ф. Вступительная статья // Беляев А. Р. Фантастика. Л.: Лениздат, 1976. С. 3-19.
7. Галина М. Старая, новая, сверхновая: журналы фантастики на постсоветском пространстве // Новый мир. 2006. № 8. С. 151-159.
8. Гопман В. Л. Научная фантастика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. Стлб. 621-625.
9. Ляпунов Б. В. Александр Беляев. М.: Советский писатель, 1967. 160 с.
10. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики: монография. Л.: ЛГУ, 1986. 200 с.
11. Осьмухина О. Ю., Куряев И. Р. Специфика преломления традиции романа воспитания в прозе М. Шишкина (на материале «Записок Ларионова») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 235-240.
12. Павлов С. Акванавты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=248149&p=1> (дата обращения: 10.12.2020).
13. Павлов С. Ангелы моря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=69215&p=1> (дата обращения: 10.12.2020).
14. Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1978-1984 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012. 636 с.
15. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 136 с.
16. Харитонов Е. В. Истории о богатырях славенских (у истоков русской фэнтези) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_05.htm (дата обращения: 10.12.2020).
17. Чернышева Т. А. Природа фантастики [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/chernisheva_t/priroda_fantastiki/read/ (дата обращения: 20.11.2020).

Информация об авторах | Author information

Старцев Дмитрий Иванович¹

¹ Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Startsev Dmitry Ivanovich¹

¹ National Research Mordovia State University, Saransk

¹ d-startsev@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.12.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): А. Беляев; С. Павлов; научная фантастика; образ сверхчеловека; интертекстуальность; A. Belyaev; S. Pavlov; science fiction; superman image; intertextuality.